

Фокин Валерий

22.96.

Эпос и ересь - 1996
- 22-29 февр - с.5.

Валерий Фокин смело может претендовать на звание театрального лидера. Еще на память его спектакли в "Современнике" - "Не стреляйте в белых лебедей" (по прозе Бориса Васильева), "Любовь и голуби", "И пойду, и пойду" по Достоевскому. Иные постановки тех лет нет нужды и помнить: "Кто боится Вирджинии Вульф" до сих пор - в репертуаре и одинаково любима публикой и критикой. За Валерием Фокиным устойчиво держится репутация человека с двойным дном. Он - и творец, и талантливый "сам себя" администратор, директор центра имени Мейерхольда, ведущего роскошное строительство неподалеку от метро Новослободская. Мало кому удается успешно балансировать на острие столь противоречивых свойств натуры. Возможно, тайна - "Восток - дело тонкое" - в японских корнях семейного древа Фокина. Именно там, в Японии, признанный творец может поменять имя, адрес и даже манеру, - чтобы чтили его не по сумме прошлых заслуг, а по реальному вкладу в культуру.

Конечно, Фокин не менял паспорта, только почерк. В 1985 году онставил спектакли публицистические, например, "Спортивные сцены" Радзинского, а "Говори..." стала первой театральной птичкой перестройки и, наверное, самым кассовым спектаклем города. Потом была "Бесноватая" Достоевского и несколько лет добровольного изгнания. Фокин вернулся в театр со спектаклями для малых сцен, поставленными по классическим произведениям в соавторстве не со сценографами, но со скульпторами и архитектором. Со скульпторами, правда, в несколько ином качестве он встречался и прежде - когда в вытянутом и совершенно нетеатральном пространстве поставил "Мистерию" - спектакль по мотивам произведений Вадима Сидура. Кажется, именно здесь появились и уникальный оркестр ударных инструментов под управлением Марка Пекарского и музыка Александра Бакши, сопровождающая московские спектакли Валерия Фокина. Такие, как сыгранный в выгородке в Манеже "Нумер в гостинице города NN", или "Превращение" на малой сцене Сатирикона.

Теперь Фокин вернулся в "Современник", в котором он так блестательно начинал. Вернулся, чтобы перенести все найденное за последние годы в обычный зал, в то же время сделав его необычным. Четвертая стена разрушена не прямыми обращениями к публике и не вынесенным чуть вперед просцениумом. Нет - художественным решением пространства, которое замыкает сцену и зрительный зал в единое целое (художник - Вольдемар Заводинский). Оно кажется сводчатым, овальным и темным. Так выглядят ад, ибо спектакль называется "Карамазовы и ад". На сцене ад живописен и физиологически реален: он располагается, как ему и положено по средневековым стандартам, - под землей. Карамазовы - дети подземелья. Земля пронизана-пронзена

жуткими и крепкими корнями, изъязвлена, напитана сыростью и тленом. Здесь нет воздуха и очень мало места. Атмосфера так жутка, что нет возможности обернуться. Страшно увидеть не стены благополучного театра, ту же самую червивую почву. Порчу. К тому же она звучит - призывают мистические высокие голоса, что-то трещит, слышно, как невыносимо (китайская пытка) стекает и капает вода. Звуки несутся сверху, снизу, сбоку. Они обступают, замыкают человека в его ужасе и, гипнотизируя, ослабляют волю.

Все мы - в аду. Мы все - Карамазовы. Кто-то отождествит себя со встревоженным пьяноватым балагуром и развратником Федором Пав-

тенью стенающим Алеша (Дмитрий Петухов), и умилого подхихикающего Смердякова (Василий Мищенко), и ветхозаветного с бутафорской бородой Зосимы (Михаил Глуский). Вообще-то, Леонтьев играет главное, но не единственного Чертова. Всем сестрам - по серьгам. Но чувство такое, будто Черт, Иван да Федор Карамазовы сами три Чертва есть. Причем, двое из них - "из породы мелких чертей, которые видятся русским пьяницам".

Странную инсценировку написал Николай Климонтович. Выбросил, как балласт с тяжелогруженной баржи, не идеи (так сделал бы Набоков - один из главных исследователей взаимоотношений Чертва с Гоголем), а сюжет и

старец, сидя на стеклянном потолке (есть ли в адупотолок?) читает молитву. Обе эти сцены так и воспринимаются - как навязчиво-назидательное излишество. Зато весь спектакль - в том-то и секрет - вышел весьма действенным, а основные персонажи (наша троица) - живыми людьми.

Валерий Фокин зачем-то написал в программке, что все это - мистерия, а действие - кошмар Ивана Карамазова. Что за новая мода взялась у театров - понять до начала спектакля, о чем в нем пойдет речь. В мистерии действию положено разворачиваться на трех сценических уровнях: в Аду, Раю, и в земной жизни. Но в спектакле все происходит в адупотолок, если не считать описанного финала с вознесением Зосимы под колосники. Если же все действие разворачивается в подсознании Ивана и есть его галлюцинация, бред, - то и тогда это только и единственное ад. Хотя слово "мистерия" словарь Даля толкует не только как "языческий обряд, ветхозаветное представление", но и как "духовную драму". В этом значении спектакль Фокина, безусловно, является мистерией. А исключительность его состоит, на мой взгляд, в том, что он организован по образу и подобию архаического ритуала.

Гроб. В начале спектакля из него поднимается Федор Карамазов. Вот Черт подскочил. Голоса вокруг запели, зауллюкали, запричали. И если кто-нибудь видел народные обряды в исполнении ансамбля Дмитрия Покровского, тот поймет, о чем я говорю. Артисты играют живых людей (может быть, так и выражает себя средний уровень земной жизни - только не в сценографии или режиссерских метафорах), но вокруг них в отчетливом ритмическом рисунке, завораживающем темпе выходит какой-то внеземной, загробный, надмирный хоровод. Он затуманивает сознание, погружает в полигипнотическое забытье, в котором текст не так уж и важен - существенное совпадение собственного эмоционального состояния с состоянием героев.

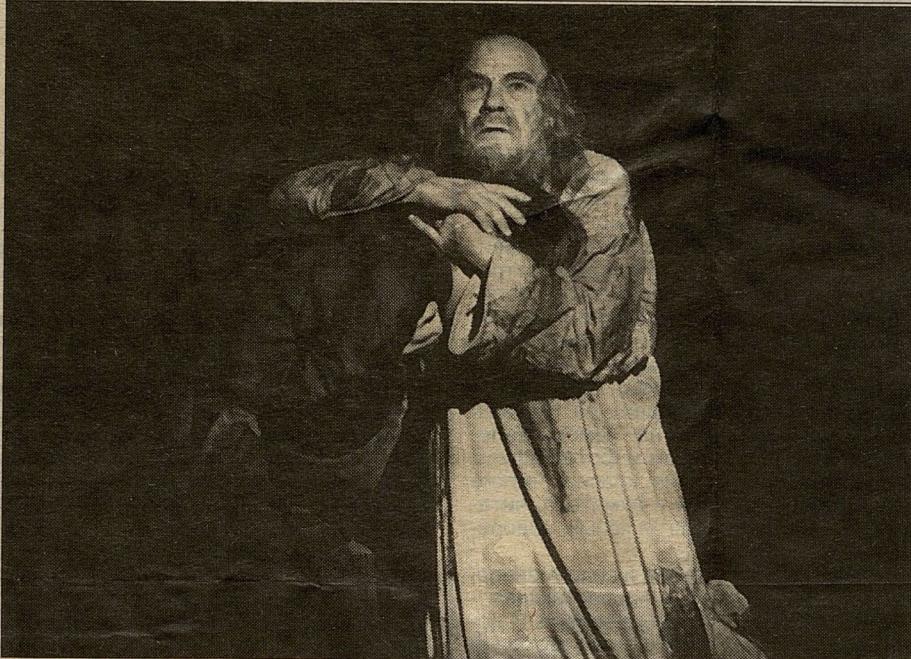
Так и сигают вокруг словоохотливые мертвцы, так и лезут из всех щелей синеватые тени кошмаров. Словно бы ты опять попал в номер гостиницы (тем более, что и там фатоватого Чичикова-Черта играл Авантгард Леонтьев). Или будто снова увидел сон о том, как превратился в насекомое несчастный Грэгор Замза. Кстати, в "Превращении" земля разверзлась прямо под ногами зрителей - сцена опускалась глубоко-глубоко, под землю, в ад. Гоголь и ад, Кафка и ад, Достоевский и ад. А из Польши на фестиваль спектаклей Валерия Фокина едет "Бобок" - разговоры мертвцев на кладбище.

Режиссеру не откажешь в последовательности. Любя все спектакли Фокина, закончить все же хочется цитатой из последнего альбома Гребенщика: "Столько лет, а им все мало. Неужель мы так грехи? Ох, скорей бы солнце встало над кладбищем моей Родины".

● Старец Зосима - М.Глуский, Митя - С.Гараш. Фото М.ШИКМАН.

Фокин и ад

Марина ТИМАШЕВА

ловичем. Он ерничает, глумится и кликушествует (кажется, это лучшая из моих виденных ролей Игоря Кваша - бытовая и гротеская одновременно). Другому ближе Иван Евгения Миронова. С зализанными волосами, в европейски поблескивающих очечках и с ледяными глазами. Бухгалтер, высчитавший на kostyashkах деревянных счетов и на людских kostях, что Бога нет. И постепенно, на наших глазах, сходящий с ума - от ужасного результата бухгалтерии. А есть еще Черт Авантгарда Леонтьева. Обаятельнейшее, надо сказать, существо. Наивное, удивленное, всех выслушает, всем поможет - честное слово, самое сказочное и нестрашное, что есть в спектакле. Такой ярмарочный Петрушка - и даже без дубинки. Куда приятнее истового источного Мити (падает, крестится, только что рубаху на груди не рвет) (Сергей Гармаш) и худосочного, бледной

всю плоть романа. Оставил одни только разговоры - о Грушеньке, трех тысячах, а в основном - о Боге и Чертве. Причем выбрал самые узнаваемые фрагменты текста - большинство "премьерных" зрителей знает их наизусть. Взятое можно обозначить, "Федор Михайлович в расхожих представлениях и клише". Мрак, жуть, бесконечные разговоры. Актерам вроде бы и играть-то нечего: любви нет, ненависти нет, даже страха и любимой писателем страсти отказано в праве на сценическую площадь. И партнерство почти исключено: каждый говорит сам о себе, иногда говорят все вместе - мужским хором. Что, казалось бы, остается артисту? Разве что служить рупором хорошо знакомых идей. Должно было бы, тоже по идеи, обернуться нудной говорильней, да парой эффективно-безкусных сцен: Черт в плаще с перевернутым распятием и финал - когда